

Лиза Граф

Линдт
и
Шпрюнгли:

две семьи –
одна страсть

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Г78

Lisa Graf

LINDT & SPRÜNGLI — ZWEI FAMILIEN,
EINE LEIDENSCHAFT

Перевод с немецкого *Анны Кукес*

Оформление обложки *Катерины Анфилатовой*

Граф Л.

Г78 Линдт и Шпрюнгли : роман / Лиза Граф ; [пер. с нем. А. Кукес]. — М. : Издательство АЗБУКА, КоЛибри Fiction, 2026. — 416 с. — (История в романах).

ISBN 978-5-389-28954-3

Цюрих, 1826 год. Крошка Рудольф собирает последние монетки, чтобы купить лекарство болеющей маме, и добрый аптекарь отпускает ему диковинное средство — горькое лакомство под названием «шоколад».

Мама чудесным образом поправляется, и у мальчика появляется мечта: тесно связать свою жизнь с кондитерским ремеслом и стать тем шоколатье, кто сможет наладить массовое производство шоколада. Многие встанут на пути Рудольфа: отец-консерватор, не желающий менять положение дел в своей кондитерской лавке; любовь к девушке, которая собирается замуж за другого; затраты, трудности, расстояния...

Однако удел бизнесмена — идти на риски. И каждый из нас знает, чем заканчивается история Рудольфа Шпрюнгли, ведь это история настоящего визионера, основавшего компанию «Линдт и Шпрюнгли», известную каждому и по сей день.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-28954-3

© 2024 by Penguin Verlag,
a division of Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH,
München, Germany

© Кукес А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри Fiction

Время недвижно

*Недвижно время, только мы
Путь держим сквозь него*

.....

*Так на заре огнем горят
Росинки золотó
Порой один лишь день — брильянт,
А целый век — ничто.*
Готфрид Келлер

ПРОЛОГ

Пахло шоколадом, ванилью, орехами, корицей и сахаром — эти запахи окружали Катарину на каждом шагу. А еще — золотые зайцы и шоколадные шары. Обертки из фольги мерцали золотом, серебром да и всеми цветами радуги. Плитки шоколада выстроились в ряд на полках. Тут же — коробки шоколадных конфет: большие, поменьше, прямоугольные, квадратные, элегантно белые или нахально пестрые. Мама обещала: выбирай что душе угодно. Но что выбрать? Корзинка Катарины была пока что пуста. Глаза разбегались. Здесь же все такое вкусное! И так красиво упаковано!

А куда все подевались-то? Катарина остановилась и огляделась. Мать стояла на прежнем месте — у прилавка посреди магазина, за которым шоколадных дел мастер и шоколадных дел мастерица — можно так сказать? — выводили сахарной глазурью на шоколадных плитках имена, что называла им покупательница. «Бабушке Фанни», — писал мастер, «Тете Сибилле», — выводила мастерица. Оба были в высоких белых колпаках и белых фартуках с вышитой золотистой эмблемой их фирмы. Мама следила, чтобы в имени Фанни не пропустили вторую «н», а у Сибиллы — вторую «л» и вообще написали как полагается.

А братья-то где? Эти двое все не отходили от шоколадного фонтана, они к нему прилипли с самого начала экскурсии по музею шоколада. Сколько там струя в высоту — пять метров? Шесть? Вязкая светлая масса молочного шоколада по капле стекала с гигантского венчика. Наверняка это был если уж не самый большой, то самый высокий шоколадный фонтан в мире.

Катарина слышала, как ее братья спорили: вкусный ли это шоколад да и съедобный ли вообще. А когда он стекает вниз, его что, снова закачивают наверх, как воду в обычном фонтане? Сколько тут килограммов? Приходится ли нагревать шоколад, чтобы он оставался жидким? И выключается ли фонтан в конце дня, когда музей закрывается? А что происходит тогда с этой огромной порцией шоколада, использованной за день?

Дался же им этот шоколад! Уж она напробовалась его в музее на разных стендах — больше некуда: и темный с самым высоким содержанием какао, и светлый, где молока больше, чем какао, и совсем белый, где и какао-то никакого нет вовсе. Для изготовления такого шоколада нужно только масло какао и сахар, а еще орехи, специи и разные вкусы.

Катарина помахала братьям рукой, потом пошла обратно в магазин и дождалась, пока подарки для бабушки и тети Сибиллы будут готовы и упакованы. На стене висели несколько портретов в рамах, старинные виды шоколадной фабрики и рекламные плакаты с «кошачьими языками»¹ и плитками шоколада.

— Что интересного нашла? — спросила мать.

Ее корзинка уже наполнилась угощениями.

¹ «Кошачий язык» — швейцарский шоколадный деликатес. (Здесь и далее — примечания переводчика).

Дяде Антону и тете Миле тоже достанутся плитки с их именами, и коллегам у мамы на работе, наверное, тоже.

Катарина указала на портреты на стене. Мать задумалась.

— Их всех зовут как твоих братьев, — отметила она. — А вот и они.

Мальчишки наконец-то смогли оторваться от шоколадного фонтана. У Давида рубашка выбилась из брюк и свисала через пояс, младший Руди угодил головой в какую-то жидкость. Только бы не в шоколад из фонтана. Пряди на лбу совершенно слиплись.

— Ты же не свалился в фонтан? — спросила мать.

Руди ухмыльнулся и помотал головой.

— Мне жарко стало, я голову под кран сунул. — Он указал в сторону туалета.

— Вы двое, глядите-ка. — Катарина указала на портреты на стене. — Заметили?

— Деды какие-то, — заявил Руди. — Они еще живы?

— Да прям! — отозвался Давид. — Смотри, написано же. Картины старые.

— А еще? — не отставала Катарина.

— Вон тот первый наверху звался Давид, — заметил Руди с ухмылкой. — А рядом который — Рудольф, как я. Как мы.

— Ага, гляди, — подхватил брат. — А тот рядом тоже Рудольф.

— А те двое, ну, близнецы, что ли? Их звали, погоди-ка... Да, Йоханн Рудольф и Давид Роберт.

Братья переглянулись.

— Только Катарина нет нигде, — объявил Давид, пожимая плечами. — Не повезло!

— Здесь вообще нет женских портретов, — подтвердила сестра.

— Может, женщин просто не было в семье, — предположил Руди. — Только парни.

— Ага, а откуда тогда парням-то тогда взяться, умник! — возразила Катарина. — Если эти двое, близнецы, — сыновья вон того в середине, то у них должна быть мать.

— И сестры наверняка тоже были, — добавила мать.

— И где они тогда? — не унимался Руди.

— Дома сидят, — выдал Давид. — Они не такие важные, ну, для шоколадной фабрики.

— Ты-то откуда знаешь? — обиделась Катарина.

— Иначе их бы тоже тут в рамках повесили, — утверждал Давид.

Мимо к новой группе посетителей как раз шла Рени, их экскурсовод, и мать ее окликнула:

— Рени, на минутку, пожалуйста, можно вас? У моей дочки к вам один вопрос.

— Да, конечно, с радостью отвечу, если смогу.

Катарина растерялась.

— А что стало с женщинами? — спросила она. — Здесь только мужчины из этой семьи, и всех зовут как моих братьев.

— Правда? Надо же, как бывает, вот весело. Здесь две семьи на самом деле. Но один из двух Рудольфов никогда не был женат и детей не имел, насколько я знаю.

— А другой Рудольф? — поинтересовалась Катарина.

— Другой женился, и вот два его сына, Рудольф и Давид.

— А дочерей не было? — уточнила Катарина.

— Об этом не знаю.

— А жену как звали? — спросила мать.

— Не знаю, к сожалению. И портрета тоже не осталось, простите.

Катарина собиралась было сказать что-то, но ее перебил всклокоченный Руди.

— Ее наверняка звали Катарина, — выпалил он.

— Жену Рудольфа первого или сестру Рудольфа второго? — не поняла Катарина.

— Обоих! — решил Руди. — Они новых имен-то не придумывали, каждый раз использовали одни и те же. И с девочками точно так же.

— Я почитаю, — обещала Рени. — Даже, может быть, и портрет Катарины первой или второй найдется где-нибудь — буду посетителям показывать. Но мне пора, следующая группа ждет. Пока!

— Пока! — отозвались Катарина и мать. — В следующем году снова приедем, расскажете, что нашли.

— Одна Катарина точно была. — Руди громко хлопнул носом. — А то и две.

Из магазина мать и дети вышли с тремя шоколадными зайцами в золотистой упаковке, с дюжиной плиток любимого шоколада и полными карманами шоколадных шариков — красных, синих и зеленых.

— Пока, шоколадный фонтан. — Руди обернулся назад, выходя на улицу.

Уже стемнело, с озера тянуло холодом, ветер дул в лицо. Пришлось бежать, чтобы не пропустить автобус обратно до Цюриха, который как раз подъехал к остановке «Кильхберг».

1826

РУДОЛЬФ

Было начало мая, липы только начали распускаться, нежно-зеленый дымок окутывал дома. Рудольф мчался из школы домой, неся со всех ног, будто за ним гнались черти. Сегодня ему было не до прогулок. Обычно он делал крюк, спускался на Солнечную набережную поглазеть на Лиммат, на лодочников, как они по узким сходам — в Цюрихе такие узкие длинные деревянные настилы звались вайдлингами — перекатывали на берег бочки, спускали ящики, солому и мешки. Обычно он задерживался на набережной часами, там никогда не бывает скучно. Но сегодня — скорее домой! Пара уток пролетела над рекой — он проводил их взглядом. Пока птицы планировали свое приземление на другом берегу, он уже шмыгнул в переулок Маркт-гассе и распахнул дверь в кондитерскую Фогелей, да так, что колокольчик на входе зашелся звоном. В кондитерской была лишь Берта — круглолицая, румяная, с маленькими ручками, едва ли больше, чем у самого Руди, однако же вдвое пухлее. Берта раскладывала цюрихские сладости на поднос из белого фарфора с золотой каемкой.

— Приветик, Руди, ты что, прогулял последний урок сегодня? — заговорила Берта. — Ты обычно никогда так не торопишься домой.

Вот же досада! Только не подать виду! Вместо Берты, раскладывавшей конфеты, Рудольф надеялся наконец снова увидеть в магазине мать. Он уже ухватился за ручку задней двери, когда Берта снова его окликнула:

— Она поправится, вот увидишь. Скоро поднимется, и все будет по-старому. Ты уж ей только помоги там.

Рудольф юркнул через внутренний двор и взлетел по лестнице в квартиру. А вот в последнее время он матери помогал? С тех пор как она заболела, он всякий день терзается этим вопросом. Ничего не приходило в голову, наоборот — он каждый день задерживался в школе. Может, мать из-за этого так переживала, что заболела? Но она же никогда его не ругала. Отец — тот да. А мать — она никогда.

В кухне стояла кастрюля с остатками супа, на столе — два ломтя хлеба. Но Рудольф был вовсе не голоден. Он осторожно отворил дверь в спальню, впрочем, она и так была приоткрыта. Лицо матери белело среди подушек, почти такого же цвета, и прозрачное, словно тонкая бумага. Видно было, как кровь бежит по венкам. Капли пота на лбу, глаза закрыты, только веки дрожат, будто она знает: в комнате кто-то есть. Скрепитка с тимьяновой микстурой на ночном столике — пуста. Рудольф открыл шкаф, где мать хранила травяные экстракты собственного приготовления, а там ни одной полной склянки. Дверца скрипнула, когда Рудольф закрывал шкаф. Мальчик испуганно вздрогнул, но мать не проснулась. Только дышала с тихим свистом. Когда же она наконец поправится? Вот бы скорее уже, скорее бы снова подавала ему обед, грела ему суп и слушала обо всем, что произошло с сыном в школе и по пути домой. А он ведь видел серебристых цапель в городском старинном рву — те отыскивали себе среди водорослей лягушек пожирнее и вылавливали свою добычу длинным острым клювом. А на реке один лодочник так перегрузил свою лодку, что вода

пошла через край. Они выбросили ящик на берег, а тот раскололся, из него выскочила свинья в коричневых пятнах и с порванным ухом, она с визгом помчалась в сторону Вердмюле. И кому же теперь все это рассказать? Получается, как будто впустую живет ребенок. Никому же не интересно, всем плевать, с тех пор как мать болеет. Отец в пекарне. Брат Давид — на стройке на набережной Зиля, а Берте этой Рудольф вообще ничего не хотел рассказывать. Получается, только матери — больше никому.

Рудольф похлебал ложкой остывший суп, откусил хлеба. Побежал в свою комнатку, достал из-под кровати жестяную коробочку, похожую на мыльницу, сдул пыль с крышки и положил жестянку в карман. Прежде чем выйти из дома, еще раз заглянул к матери. Она спала, дышала по-прежнему не то хрипло, не то со свистом, теперь чуть тише, но сына этот звук очень тревожил. Он сбегал по лестнице и пересек внутренний двор, зашел в магазин через задний вход, поздоровался с госпожой редакторшей Хуртер, что болтала с Бертой, пока та заворачивала в бумагу четыре кусочка кремowego торта и упаковывала щедрую пригоршню ореховых рогаликов и свежих вафельных трубочек с кремом.

— Поел уже, Руди? — крикнула ему вслед Берта. — Куда пошел-то?

— Надо кое-что купить для мамы, — бросил в ответ Рудольф и захлопнул за собой дверь.

Всего-то — перейти на другую сторону переулка, только вот лучше, чтобы никто его не заметил. А потому — сначала вверх по переулку до другого — Мюнстергассе, и через Кребс-гассе снова вниз.

Мальчик вошел в аптеку «Слон» со двора и тут же почувствовал в носу тот особый запах старого дерева и сушеных трав, что хранились в аккуратно подписанных выдвижных ящичках стальных шкафов и в коричневых

глазурованных керамических баночках с крышками. Аптека хоть и звалась «Слоном», но над прилавком висели: справа — здоровая, бурая в крапинку щука, а слева — чучело крокодила, немногим больше щуки, только зубов побольше, конечно. Аптекарь Флюкигер с рецептом в руке стоял на приставной лесенке и искал что-то в одном из ящичков.

— Приветствую, мастер Флюкигер, — заговорил Рудольф.

Аптекарь сдвинул круглые очки на кончик носа и поверх стекол оглядел мальчика.

— Да это же младший Шпрюнгли! Что привело тебя сюда? Ты не заболел?

— Нет, мама болеет, — отвечал Рудольф, — у нее тимьяновая микстура кончилась, а ей надо, чтоб кашель лечить.

Аптекарь спустился с лесенки, крокодил закачался из стороны в сторону. Крокодил — не рыба, а плавает хорошо, объяснил как-то раз мастер Флюкигер, когда Рудольф приходил сюда с матерью. Мальчик был тогда маленький и долго потом сидел на берегу Лиммта и высматривал крокодилов в реке. Старший брат потом еще подсмеивался. Отговорки, мол, все это, просто Рудольф боится воды.

— Кашляет маменька, говоришь? Давно? — спросил аптекарь.

— Две недели уже. Она все время спит, и вся такая белая, и дышит с таким странным звуком.

— Температура есть? Лоб горячий, когда трогаешь?

— Не знаю... Отец говорит, жар спал, но мама слаба и не встает.

Аптекарь принес из подсобки большую бурую бутыл, процедил микстуру через мелкое сито и перелил в склянку поменьше.

— Слаба, значит, хм? Вероятно, надорвалась. У доброй женщины столько забот: магазин, хозяйство, вот и вы, дети. Мало ей своих тревог, так она еще и соседям умудряется помогать, чуть что у кого стрясется — бегут к ней. Матушка твоя — сущий ангел и в лечебных травах разбирается не хуже меня.

Аптекарь обер склянку мягкой тряпицей.

Рудольф достал жестяную коробочку из кармана брюк и поставил на прилавок.

— Погоди-ка, слаба мать, говоришь? — Аптекарь подошел к столику, на котором стояла большая ступка из латуни, и поманил Рудольфа. — Гляди, у меня тут как раз эксперимент.

Мальчик не доставал до края прибора и не мог заглянуть внутрь, потому фармацевт подвинул для него стремянку. Рудольф забрался на ступеньку и увидел в ступе коричневый порошок. Пах он как-то чудно, горьковато.

— Что это за лекарство? — поинтересовался парнишка.

— Какао, — объяснил Флюкигер, — добывают из жареных какао-бобов. Я тут с ним опыты провожу. Перетираю его совсем мелко в ступке, добавляю сахара, снова перетираю все вместе, а затем замешиваю с горячей водой. Вкусно получается, поначалу непривычно, своеобразно так, но потом привыкаешь.

— И оно может снова поставить маму на ноги? — уточнил Рудольф.

Аптекарь кивнул:

— Только с водой больно уж жидко получается. Понимаешь?

— Ага. А нельзя просто так есть этот порошок ложкой?

— Можно, — согласился аптекарь, — но это невкусно и вызывает сильный кашель. Я пробовал.

Он позвал Рудольфа в подсобное помещение. Здесь аптекарь готовил лекарства, смешивал мази и извлекал

экстракты из целебных растений. Над очагом в тигле кипела жидкость. Рудольф узнал этот горький запах — судя по всему, полыни: мать заваривала ее вместе с чаем, если у кого-то были судороги или вздутие живота. Аптекарь снял с огня кастрюльку и поставил на тигель, в котором было вроде как масло, только пахло совсем иначе. Он зачерпнул из ступки немного какао-сахарной смеси, добавил чуть-чуть расплавленной масляной массы и быстро перемешал все деревянной лопаткой. Затем он выдавил комковатую массу в деревянную форму.

— Смотри, вот эти уже остыли. — Фармацевт потряхнул из формы кружок из какао, разломил и дал попробовать Рудольфу.

Все равно горький какой-то, хоть и с сахаром. И когда откусываешь, на языке какие-то крошки, будто песок.

— Что скажешь? — осведомился аптекарь.

— Ну, — задумался Рудольф, — для выпечки слишком несладко и как будто с песком.

Все-таки Рудольф — сын кондитера.

— А как лекарство?

— Для лекарства сойдет. Все лучше, чем полынь, ее только когда живот скрутит и можно пить.

— Я смотрю, ты успел кое-чему научиться и у отца, и у матери, — ухмыльнулся Флюкигер.

— Но если вы лепите эти талеры из какао, стало быть, это лекарство. От чего оно?

— От слабости и утомления. Возвращают силы и желание жить. Да еще и вкусные.

— Тогда я беру все ваши талеры, все, что есть. Вылечу маму, и она будет снова полна сил.

— Ишь ты, шустрый, для этого нужно много настоящих талеров. Какао стоит дорого, а мое лекарство на какао-масле — весьма затратное и кропотливое изделие. Боюсь, в одиночку никто себе такого позволить

не может. Да и я еще не слишком доволен результатом. Грубо и как будто песок на зубах.

— Но маме же это поможет.

Как же так! Зачем было все это тут показывать, давать попробовать, а потом отпускать с пустыми руками! А мать так и будет болеть! Рудольф сглотнул. Открыл свою коробочку и высыпал на прилавок все ее содержимое. Самым ценным в этой кучке были две монетки по двадцать сантимов каждая, остальное — совсем мелочь. Рудольф заметил сочувственный взгляд аптекаря и закусил губу. Флюкигер вздохнул:

— Повезло тебе, что моей Гертруды нет сегодня в аптеке, уж она бы меня отругала.

Он взял две двадцатки, остальное не тронул. Поставил на прилавок склянку с тимьяновой микстурой и завернул в бумагу два шоколадных талера.

— Бери скорее. Гертруда вот-вот вернется. Матушке поклон! Надеюсь вскорости увидеть ее снова здоровой в переулке и в кондитерской.

Рудольф засопел, сгреб склянку с микстурой, талеры и свою жестяную коробочку.

— Ну, будь здоров! Заходи как-нибудь, расскажешь, как подействовали мои талеры, — попрощался аптекарь.

Рудольф кивнул. Ухватился за ручку двери, выдавил из себя «спасибо», а в Кребс-гассе украдкой утер слезу. Ничего себе, какие дорогие эти шоколадные талеры! И эта масса — кто же так смешивает? До сих пор как будто песку полон рот. Если бы за дело взялся его отец, уж он-то перемешал бы эту массу как следует, да она бы сама в форму укладывалась. Добавил бы еще пару специй, чтобы жевать было приятно. Папенька бы точно что-нибудь придумал. У древних мексиканцев, говорит мастер Флюкигер, шоколад был напитком царей и жрецов. А вот в Цюрихе нет никаких царей, да и жрецы, то

есть священники, какие-то не такие. Зато в Цюрихе есть крупные фабриканты, а у них есть прядильные и ткацкие фабрики, и денег — целая куча, так во всяком случае утверждает друг, Хайни. Вот это было бы дело!

КАТАРИНА

Вот уже дважды маменька заходила в горницу и шепотом сообщала Катарине, что к вечеру точно быть грозе. Катарина слушала, но ничего не отвечала. Оба деревянных молоточка прыгали по поперечно натянутым струнам трапециевидных цимбал, словно пьеса играла сама собой, совершенно без участия Катарины. На самом деле Катарина знала эту музыку наизусть, только в одном месте иногда сбивалась или немного фальшивила. Никто не замечает, но отец-то знает. Так что лучше подучить еще, от греха подальше.

— Гроза? Правда? — наконец отозвалась дочь. — Но сегодня так тепло, ни ветерка. Откуда же взяться вдруг грозе?

Мать порой и вправду будто чуяла, как трава растет. И всегда тревожилась, прежде всего о муже и о дочери. Гроза? Сегодня? Ни облачка на небе.

— Вот увидишь, будет гроза.

— Да с чего ты взяла-то? Почему именно теперь? — Катарина сердито сжала в ладонях палочки.

— Вот я чую. Непокойно мне.

— Ах! — Катарина отмахнулась и принялась снова барабанить палочками по струнам, все быстрее и быстрее.

Но мать не отставала.

— Катрина, будь добра. Кто знает, сколько отцу сидеть там на башне во время грозы. Отнеси ему еды, он ведь почти ничего с собой не взял.

Ах вот оно что!

— Но мне нужно песню до воскресенья выучить, отец же иначе скандалить станет, стоит мне только ошибиться.

— Успеешь еще, выучишь, детка. Поторопись, вернешься до грозы. Поспеши и захвати курточку.

— Куртку? В такую жару?

Ох уж маменька с этими ее предчувствиями! Право, это уж слишком. А впрочем, сегодня что-то особенно тяжело шла музыка, совсем не выходило собраться. Все оттого, что Катарина все думала о *нем*. О студенте. Вот уже два года она служит в швейной мастерской Висс, сперва была просто помощницей, а с недавних пор стала подмастерьем. А сегодня вечером, после работы, когда она вышла из ателье на Ноймаркт и повернула в переулок, он с ней заговорил. У нее с передника соскользнула подушечка для иголок, шелковый шнурок развязался, а студент подушечку поднял и отдал Катарине. И не просто так, а с поклоном.

— Неужели барышня и сама такая же колючая, как чертополох, вышитый на ее подушечке для иголок? — смущенно осведомился студент, краснея ушами.

Катарина с легким книксом взяла игольницу и снова привязала ее шелковым шнурком к переднику. Знала бы она заранее, что встретится нынче с молодым человеком, оставила бы передник в ателье, не пришлось бы теперь смущаться. Худенький паренек в узких полосатых брюках и приталенном сюртуке снова приподнял свой уже не новый цилиндр.

— Соломон Фер, — представился юноша, — студент-юрист.

Голос у него был такой же тонкий, как и его ноги.

— Катарина Амманн, — улыбнулась девушка, — меня все зовут Катриной.

— А здесь чем занимаетесь? — Студент кивнул на фасад здания.

— Учусь у госпожи Висс в швейной мастерской.

А после она сказала, что ей пора домой, где ее уже ждет маменька.

— Прощайте! — И она убежала, на поясе у нее подпрыгивала подушечка для иголок.

Только повернув в Шпигель-гассе у Дома-на-правой-стороне¹, она остановилась и быстро оглянулась. Студент остался позади, глядел ей вслед. Катарина хотела уже было поднять руку и помахать ему, но решила, что так негоже. Она бы задержалась у витрин магазинов в Шпигель-гассе, но сегодня сердце у нее слишком стучало. Она побежала вверх по переулку и примчалась домой много раньше обычного. И совершенно запыхавшись.

РУДОЛЬФ

Рудольф промчался по Кребс-гассе вверх, тут же спустился по Маркт-гассе, распахнул дверь кондитерской Фогелей, так, что колокольчики заголосили, будто на пожаре, поздоровался с покупательницами, что слетелись сюда душевно поболтать после обеда. Госпожа Фогель тоже была здесь. Ей и ее мужу принадлежал дом номер пять по переулку Маркт-гассе и эта кондитерская, где отец Рудольфа служил подмастерьем.

— Как здоровье твоей матушки, Руди? — осведомилась госпожа Фогель.

— Вот, лекарство нес, — отозвался Рудольф и вынул из кармана склянку с микстурой.

О талерах — ни слова. Это тайна — его и господина аптекаря.

¹ *Haus zum Rech* — «Дом на правой» (стороне) — старейшее, еще средневековое здание в центре Цюриха. Ныне — музей.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ГРАФ Лиза ЛИНДТ И ШПРЮНГЛИ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *В. Барсукова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *А. Брусник, П. Шевнина*
Верстка *С. Иванова*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 24.11.2026.

Формат 84×108 ¹/₃₂ Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,8.

Тираж 3000 экз. Т-НІВ-38069-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)